

О. А. Бонч-Осмоловская

НОВОЕ КОНФУЦИАНСТВО И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КНР: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КИТАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы развития китайской внешнеполитической стратегии через призму концепции дискурсивной силы, цивилизационного подхода и нового конфуцианства. Прослежены основные факторы, сдерживавшие развитие мягкой силы КНР за рубежом, а также проанализированы составляющие современной модернизационной теории КНР и место традиционной китайской философии в разработке теоретической модели трансформационных процессов. Китайская модель модернизации из «догоняющего» типа была переосмыслена в самостоятельную модель устойчивого развития (концепция «модернизации китайского типа»). Смещение акцента в сторону цивилизационного подхода в понимании глобальных процессов дало китайскому политическому дискурсу новую оптику, где противостояние между социализмом и капитализмом переносится в область «культурно-цивилизационного многообразия». Цивилизационный дискурс Си Цзиньпина и его аппарата, будучи адаптирован к новым реалиям, трансформировался в концепцию государства-цивилизации, в котором подчеркивается цельность и непрерывность преемственности китайской истории, ригоризм былой риторики постепенно сглаживается, в частности, в концепциях гецивилизации и диалога цивилизаций, а также акцентом на «гармонии без унификации», то есть взаимной выгоде и общем процветании. Одновременно с этим современное новое конфуцианство обеспечивает теоретическую базу для экспортирования «китайской теории морали» в мир. Так, Ду Вэймин возглавляет пекинский Институт мировой этики, равно как его проекты включают в себя разработку мировой этики как минимум с 80-х гг. Возможность таких проектов выводится из разрабатываемой им и его коллегами «новой духовности», на которой должен строиться межцивилизационный диалог. Официальные речи Си Цзиньпина все больше апеллируют к конфуцианским ценностям с соответствующей этической терминологией, определяя дальнейшую интеграцию конфуцианского компонента в китайскую марксистскую идеологию. Таким образом, разрабатываемая в КНР теория морали все заметнее привлекает опыт ново/постконфуцианского учения, что свидетельствует о важном и интересном витке формирования философско-идеологического дискурса КНР, следующего традиционно-китайскому принципу «вернуться к старому, чтобы создать новое».

Ключевые слова: мягкая сила, дискурсивная сила, конфуцианство, новое конфуцианство, дипломатия, интеллектуальная история

Olga A. Bonch-Osmolovskaya

NEW CONFUCIANISM AND FOREIGN POLICY DISCOURSE OF THE PRC: INTELLECTUAL FOUNDATIONS OF THE CHINESE DIPLOMACY

Abstract. The article examines the prospects for the development of Chinese foreign policy strategy through the prism of the concept of discursive power, civilizational approach and New Confucianism. The article traces the main factors that constrained the development of China's soft power abroad, and analyzes the components of China's modernization theory as well as the place of traditional Chinese philosophy in the development of a theoretical model of

transformation processes. The Chinese model of modernization was rethought from a “catching-up” type to an independent model of sustainable development (the concept of “Chinese-type modernization”). The shift in emphasis towards a civilizational approach in understanding global processes has given Chinese political discourse a new lens, where the confrontation between socialism and capitalism is transferred to the area of “cultural-civilizational diversity”. The civilizational discourse of Xi Jinping and his apparatus, having been adapted to the new realities, has been transformed into the concept of the state-civilization, which emphasizes the wholeness and continuity of the continuity of Chinese history, the rhetoric of the former rhetoric being gradually smoothed out, particularly in the concepts of geocivilization and dialogue of civilizations, as well as the emphasis on “harmony without unification”, i. e. mutual benefit and common prosperity. At the same time, contemporary New Confucianism provides a theoretical basis for exporting “Chinese moral theory” to the world. For example, Du Weimin heads the Beijing Institute of World Ethics, and his projects have included the development of world ethics since at least the 1980s. The possibility of such projects is derived from the “new spirituality” he and his colleagues are developing, on which inter-civilizational dialogue should be based. Xi Jinping’s official speeches increasingly appeal to Confucian values with the corresponding ethical terminology, determining the further integration of the Confucian component into Chinese Marxist ideology. Thus, the theory of morality being developed in the PRC increasingly draws on the experience of New/Post-Confucian teachings, indicating an important and interesting turn in the formation of the PRC’s philosophical and ideological discourse, following the traditional Chinese principle of “return to the old to create the new”.

Keywords: soft power, discursive power, Confucianism, New Confucianism, diplomacy, intellectual history

«Мягкая сила» КНР: направления и проблемы развития

Многие годы Китай вкладывал огромные силы и средства в развитие инструментов «мягкой силы», формируя позитивный имидж страны. В настоящей статье предлагается рассмотреть техники этой «мягкой силы», причины ее неэффективности для Китая, а также пути, через которые он пытается выйти из этой ситуации, апеллируя к историческим корням и создавая новую «китайскую идею».

Ван Хунин (председатель Народного политического консультативного совета Китая, ранее заведующий Центром политических исследований при ЦК КПК) в своей программной статье о «мягкой силе» 1993 г. писал, перефразируя прусского военного стратега и теоретика Клаузевица: «Культура – есть ничто иное, как продолжение политики, с привлечением иных средств» [Ван Хунин, с. 95]. Соответственно, «мягкая сила» КНР, по большей части копируя технологии «мягкой силы» США, развивалась в следующих направлениях:

1) Распространение и популяризация китайского языка (основание Институтов Конфуция по всему миру как культурных и языковых центров, проведение международных конкурсов, в т. ч. «Мост китайского языка»).

2) Продвижение традиционной и современной культуры Китая, а также ценностных нарративов (проведение культурных фестивалей и перекрестных годов культуры, открытие китайских культурных центров (где инициаторами выступает местная диаспора), подписание договоров о сотрудничестве, перевод китайской литературы на иностранные языки, разработка видеоигр (например, Genshin Impact), вложение миллиардов долларов в распространение информации через каналы теле- и радиовещания CGTN, China Radio International, CNC World на более, чем 60-ти языках, и через более мелкие, но идеологически важные – на-

пример, China Tibet Online. Вещание на иностранную аудиторию идет по принципу *нэйцзинь вайсун* 内紧外松 – «внутри напряженный, снаружи свободный», т. е. вовне информация подается максимально привлекательно и демократично. Внутреннюю и внешнюю популярность набирают франшизы и ТВ-программы вроде The Voice of China.

3) Расширение образовательных контактов (поднятие престижа национальных университетов до мирового уровня через Проекты 211¹ и 985², субсидирование программ для иностранных студентов по языковому и культурному обмену).

4) Развитие экономических связей и научно-техническое сотрудничество (строительство «умных городов», проведение «дней инноваций», конкурсов, саммитов и форумов, реализация планов «Сделано в Китае-2025» и «Цифровой Шелковый путь», повышение имиджа национальных брендов и компаний, поддержка технологических гигантов Alibaba, Tencent, Huawei, Xiaomi и приложений Douyin/Tik Tok, Weibo, WeChat).

5) Содействие международному развитию и развитие общественной дипломатии (публикация Белой книги «Прогресс Китая в области защиты прав человека в 2009 г.», поддержка «мозговых центров»).

Несмотря на впечатляющий масштаб этой деятельности, Китай столкнулся с большими трудностями в продвижении своей мягкой силы.

Во-первых, Институты Конфуция подверглись обструкции и полному или частичному закрытию в США (по разным данным, закрыто от 108 до 111 из 118) и многих странах ЕС (Норвегия, Швеция, Дания, Финляндия) в связи с обвинением в ведении идеологической обработки учащихся [Zakheim; Girard]. Это привело к необходимости переименования и ребрендинга всей этой деятельности.

Во-вторых, хотя отдельные мероприятия и разработки пользуются успехом (игра Genshin Impact, серия аниме и романов «Благословение небожителей» и т. д.), в целом, пока сложно назвать китайскую креативную индустрию успешным соперником западным аналогам. Сюжеты китайских фильмов зачастую вторичны и не пользуются популярностью на внешнем рынке, то же можно сказать о литературной продукции – перевод современных книг осуществляется по китайскому заказу и за большие деньги, что делает эту область сферой прибыльного бизнеса, но не законодателем литературных мод. Классическая же литература Китая остается прерогативой довольно узкой прослойки ученых-китаеведов.

В-третьих, образовательные программы, нацеленные на привлечение иностранных студентов в Китай, работают преимущественно на страны Глобального Юга, но не на избалованных ведущими университетами молодых людей из США и ЕС. В 2023 г. количество американских студентов в Китае упало до рекордно низ-

¹ Проект 211 – проект Министерства образования КНР, разработанный в 1995 году, в который вошло 100 вузов Китая. Название проекта появилось от сокращения 21 век и 100 университетов. В настоящее время в проекте принимает участие около 112 университетов КНР, включение в него означает соответствие международным требованиям, HR, техническим стандартам подготовки специалистов.

² Проект 985 – проект по развитию системы высшего образования в Китае, предложенный бывшим президентом КНР Цзян Цзэмином на праздновании 100-й годовщины Пекинского университета 4 мая 1998. Название проекту дано по обозначению года и месяца: 98–5 (май). Изначально в программу вошло 9 ведущих университетов Китая, позднее список был расширен.

кой отметки в 350 человек (в отличие от 15,000 десятилетие назад) [Kawashima]. Частично причинами тому стали волны ненависти, вызванные COVID-19, однако еще в большей степени – отсутствие мотивации и практической пользы от обучения в Китае для студентов из развитых стран, на что накладывается сложная политико-идеологическая обстановка.

В-четвертых, экономические и технологические проекты пока являются самыми успешными для Китая на внешнем контуре. Инвестиции в экономики целевых стран, заключение торговых соглашений, проведение форумов и выставок, – все это Пекин успешно осуществляет на практике, однако в пространстве риторики Запад по-прежнему легко находит «слабые места» – Китай называют прагматичным и беспринципным, нацеленным лишь на экономическую выгоду и получаемые ресурсы. Так, отношения КНР и Судана в первой половине 2000-х осуждались как косвенное финансирование террора и жестокости [Mr. Hu's mission to Khartoum, 2007]. То же самое было в случаях с Анголой, Зимбабве и рядом других стран. В целом, любые операции КНР в развивающихся странах могут быть охарактеризованы Западом как поддержка недемократических режимов и коррупции, а также раскритикованы как бизнес по низким социальным и природным стандартам (если говорить об условиях работы и заботе об окружающей среде в местах разработок) [см. подробнее Brautigam, p. 273–299].

В-пятых, для развития общественной дипломатии Китаю объективно не хватает эффективных негосударственных механизмов [Михневич, с. 119], что сужает ее возможности. А китайская официальная политическая риторика, базирующаяся на традиционных для Китая философских и идеологических конструктах, по большей части, остается для западной аудитории «вещью в себе» – сюда входят как банальные проблемы перевода (*lost in translation*), так и недопонимание, вызванное незнанием исторического контекста понятий и выражений.

Подводя итоги этому краткому анализу, отметим: китайская «мягкая сила», будучи в значительной мере скопированной с западных образцов, сыграла определенную роль в улучшении имиджа КНР за рубежом. Однако ее эффективность стала падать примерно к 2010-м гг., что было вызвано постепенно ухудшающимися отношениями с США и соответствующими действиями американской стороны по сдерживанию влияния КНР. Хотя уже при Буше-младшем Китай стали называть «стратегическим конкурентом», все-таки с приходом к власти администрации Барака Обамы были сделаны конкретные экономические и военные шаги в АТР, вызвавшие негативную реакцию Китая, равно как демонстративное награждение диссидента Лю Сяобо Нобелевской премией мира (2010) не могло не быть расценено как демонстрация. О торговой войне при Трампе и дискурсе ненависти в отношении Китая во время пандемии и вовсе говорить не приходится, – все эти примеры показали Пекину: сколько денег ни вкладывай в Институты Конфуция, в один день их могут просто закрыть, обвинив в распространении идеологической пропаганды. Несмотря на всеобщее восхищение видами Великой Китайской Стены или гор Эмэйшань, на политическом и идеологическом уровне Китай по-прежнему испытывает давление и ограничен в пропаганде собственного мировидения. В связи с этим мы подходим к важному тезису, на который обратили

внимание и современные китайские идеологи: важно не то, *что* делается, а *как* об этом говорят.

В связи с этим встает проблема языка, о которой кратко уже упоминалось выше. С 2010-х гг. Пекин все очевиднее старается разобраться в проблеме языка и дискурса, откуда появилась новая важная концепция – «дискурсивная сила/авторитет» (*хуаюй цюань* 话语权). Концепт китайской дискурсивной силы пока имеет весьма размытые контуры, в настоящей статье хотелось после некоторого введения в проблематику, последующего ниже, попробовать проследить интеллектуальную основу этой новой «силы», т. е. проанализировать то, на чем этот дискурс предполагается построить.

«Дискурсивная сила» Китая: введение в проблематику

В 2022 г. доклад И. Денисова и И. Зуенко «От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР» привлек большое внимание профессионального сообщества к теме усиления дискурсивной силы Китая. В докладе четко и убедительно прослежен поворот идеологической работы КНР от прежних технологий культурной «мягкой силы» к более глубокому дискурсивному влиянию на общемировую политический язык и на сам способ мышления о будущем и путях развития.

Действительно, Китай осознал, что «значительная часть мира смотрит на Китай глазами Запада, потребляет информацию через западные медиаплатформы, а оттого находится под влиянием западной неolibеральной идеологии, – иначе говоря, того, что в Китае называют «гегемонией западного дискурса» [Денисов, Зуенко, с. 19], т. е. проще говоря, мягкая сила «не работает». Это осознание привело к переоценке прежних усилий по пропаганде китайской культуры и теперь направило их не только на массовое воздействие через культурные проекты и языковые центры, но на более точечную работу с представителями политической и научной элиты, ЛОМами, а также на усиление голоса Китая в морально-этической сфере, интеграцию в международные институты и площадки, укрепление технологического лидерства.

Эти процессы с разных сторон также освещались в других работах, среди которых отметим обзорную и обобщающую статью С. В. Кривохиж и Е. Д. Соболевой «КНР и борьба за дискурсивную гегемонию: роль стратегических нарративов» [Кривохиж, Соболева, с. 178–192], где акцент сделан на исследовании дискурсивной силы через призму трех видов системных нарративов КНР – системного, идентичности и проблемного. Суммируя подмеченные авторами особенности, получаем идею о великой державе «нового типа» с укорененностью в традиции и с моральным превосходством, наращивающую технологический потенциал и развивающую экономические успехи для конструирования будущего и способствования процветанию всех развивающихся стран, основанному на принципе справедливости.

Добавим ко всем этим совершенно верным наблюдениям немного историко-интеллектуальной перспективы, проследив основной внутренний инструментарий и фундамент дискурсивной силы, «общемировых ценностей» и стратегических нарративов, которые Пекин активно продвигает на международной арене.

Мироустроительная постмонархия в XXI в. : гармония без унификации

Китай представляет собой яркий пример идеократического общества. Несколько тысяч лет в основе китайской политической жизни лежали конфуцианское учение и императорская доктрина, затем эта основа была подвергнута сомнению и болезненной перестройке. Последовавшая затем модернизация через вестернизацию была во-многом связана с национальным унижением, сломом традиционного китайского уклада, чудовищным рывком во всех областях жизни общества, адаптацией новой, марксистской идеи на китайской почве. Последние десятилетия вывели КНР на высоты небывалого экономического расцвета и, разумеется, привели к новому витку развития китайской идеологии.

Для прогнозирования развития китайской внешнеполитической стратегии важно проследить, что составляет современную модернизационную теорию КНР, какое место в разработке теоретической модели трансформационных процессов занимает традиционная китайская философия. Совместимы ли, по мысли китайцев, традиция и модернизация?

По докладам, речам и статьям Си Цзиньпина, а также по богатому материалу, публикуемому китайскими политологами, очевидно, что китайская модель модернизации из «догоняющего» типа была переосмыслена в самостоятельную модель устойчивого развития (концепция «модернизации китайского типа») (*Чжунго ши сяньдайхуа* 中国式现代化) вошла в официальный политический лексикон в 2021 г.), основу которой вновь составляют национальные интеллектуальные традиции (преимущественно в виде ново-конфуцианской мысли, см. [Си Цзиньпин, 2022]) и китайское специфическое прочтение марксизма.

Смещение акцента в сторону цивилизационного подхода в понимание глобальных процессов дало китайскому политическому дискурсу новую оптику, где противостояние между социализмом и капитализмом переносится в область «культурно-цивилизационного многообразия». Несовместимость трансформируется в сосуществование и, – как отмечает Н. И. Мигунов, – здесь обнажается их инструментальный характер, ведь обе системы могут быть использованы для достижения главной цели, т. е. для укрепления устойчивости китайской цивилизации [Мигунов, с. 95].

Традиционно осмысление «цивилизации» в китайской философии происходило через оппозицию «цивилизация – варварство», где источником и центром цивилизации, разумеется, был Китай. Эта концепция не предполагала множественности «цивилизационных» очагов, наоборот, обосновывая мироустроительный и уникальный характер власти китайского императора, распространявшего политическую благодать (силу-дэ) на варварскую периферию, тем самым их преобразуя [Мартынов, 1978; Гончаров].

Цивилизационный дискурс Си Цзиньпина и его аппарата, будучи адаптированным к новым реалиям, трансформировался в концепцию государства-цивилизации, в котором подчеркивается цельность и непрерывность преемственности китайской истории (в т. ч. политического устройства, см. выступления политолога Чжан Вэйвэя и др.), ригоризм былой дихотомии постепенно сглаживается,

в частности, в концепциях гецивилизации и диалога цивилизаций [Жуань Вэй, 2006; Вэньмин дуйхуа, 2006], а также акцентом на «гармонии без унификации», то есть взаимной выгоде и общем процветании [China Daily, 15.08.2017].

Этот подход к цивилизации дополнился обновленной формой «упорядочивающего воздействия» на мир – дискурсивной силой (в китайской интерпретации «дискурса» М. Фуко [Юй Синьтянь, с. 1–16]). Китай понял, что преобразить мир сейчас можно в первую очередь словом, влияя на политический дискурс и продвигая свою теорию морали, стяжая тем самым союзников вовне.

«Вернуться к старому, чтобы создать новое»: новое конфуцианство и общечеловеческие ценности

Говоря о современной теории морали, развиваемой в КНР и претендующей на статус общечеловеческой, присмотримся к ее понятийному аппарату, чтобы она не выглядела некой новой и абстрактной системой ценностей. Это, в свою очередь, также приводит нас к прояснению духовно-цивилизационных трансформаций современного китайского общества.

«Новое конфуцианство» сложилось преимущественно на Тайване, в Гонконге и затем в США после переезда туда видных китайских мыслителей в 1950-е гг. В 1958 г. они опубликовали «Манифест китайской культуры человечеству», придав китайской культуре мировое значение и положив начало новому интеллектуальному движению. Преодолев свою изначальную негатию западной культуры, представители этого течения осмысленно поставили перед собой задачу синтеза китайской и западной философии и осмыслили ее как свою культурную миссию [Мигунова]. Но синтез философий они мыслили не на уровне механического соединения их предметных полей и методологических арсеналов, а на уровне грандиозных проектов – проектов создания синтетической «всемирной философии будущего» (Фэнь Юлань), «моральной метафизики» (Моу Цзунсань), «глобальной этики» (Ду Вэймин), «холистического мультиперспективизма» (Фу Вэйсюнь) и т. п. в мировом масштабе [Там же].

Это культурное мессианство новых конфуцианцев, их связь с китайской традицией и параллельная академическая признанность на Западе, привлекла интерес партийных руководителей в 1980-е гг. Разработка новоконфуцианской тематики стала включаться в пятилетние планы работы Государственного фонда общественных наук (1986–1991, 1992–1997) в качестве приоритетного направления для социальных наук, с каждым годом количество посвященных конфуцианству конференций, форумов и круглых столов с участием первых лиц государства растет (Си Цзиньпин также принимает участие в их открытии), а лидер третьей волны новых конфуцианцев Ду Вэймин в 2010 г. торжественно вернулся из США на родину. Это то, что касается организационно-формального сопровождения процесса ново-конфуцианского ренессанса в КНР.

Что же до содержательного аспекта, то современное новое конфуцианство полностью подготовило базу для экспортирования «китайской теории морали» в мир. Так, Ду Вэймин возглавляет пекинский Институт мировой этики (открыл-

ся в 2012), равно как его проекты включают в себя разработку мировой этики как минимум с 80-х гг. Возможность таких проектов выводится из разрабатываемой «новой духовности», на которой строится межцивилизационный диалог. Носителем новой духовности предполагается новый моральный субъект, «способный духовно трансформировать Небо и Землю», ощутивший, что все во вселенной находится в единстве, осознавший всю ущербность западного атомизирующего индивидуализма и рационализма. Об этом писали Тан Цзюньи, Ду Вэймин, Ян Цзиньхай: «традиционное сознание необходимо переориентировать с объектного на субъектное, затем – на экзистенциальное, и наконец, – вселенское (космическое)» [Ян Цзиньхай].

Конфуцианство отличает универсальный дух, что позволяет быть конфуцианцем и христианину, и мусульманину, и буддисту (см., например, статью Ли Чэньяна «How Can One Be A Taoist-Buddhist Confucian? A Chinese Illustration of Multiple Religious Participation» (1996). С этим связан особый интерес Ду Вэймина к проблемам соотношения понятий традиция – новация/современность, запад – не-запад, локальное – глобальное [Сун Чжимин, с. 297].

Доклад Си Цзиньпина на 20 съезде КПК в 2022 г. был наполнен конфуцианскими реминисценциями и, главное, соответствующей этической терминологией, определяя дальнейшую интеграцию конфуцианского компонента в китайскую марксистскую идеологию. Таким образом, разрабатываемая КНР теория морали – где-то более осторожно и завуалированно, а где-то явно – апеллирует к ново/постконфуцианскому учению, что свидетельствует о важном и интересном витке формирования философско-идеологического дискурса КНР, следующего традиционному китайскому принципу «вернуться к старому, чтобы создать новое».

Список литературы

- Ван Хунин 王沪宁. Цзювэй гоцзя шили дэ вэньхуа: жуань цюаньли 作为国家实力的文化: 软权力 (Культура как государственная мощь: мягкая власть) // Фудань сюэбао. 1993. № 3. С. 91–96.
- Вэньмин дуйхуа 文明对话 (Диалог цивилизаций: сб. статей) / под ред. Цай Дэлина 蔡德麟. Пекин: Цинхуа дасюэ чубаньшэ, 2006. 404 с.
- Гончаров С. Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун, 1127–1142. М.: Наука, 1986. 296 с.
- Денисов И. Е., Зуенко И. Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. МГИМО МИД РФ, Институт международных исследований. – М.: МГИМО-Университет, 2022. 24 с.
- Жуань Вэй 阮炜. Диюань вэньмин 地缘文明 (Геоцивилизация). Шанхай: Саньянь шудянь, 2006. 326 с.
- Кривохиж С. В., Соболева Е. Д. КНР и борьба за дискурсивную гегемонию: роль стратегических нарративов // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 2. С. 178–192.
- Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной системе китайских политических представлений. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. 286 с.
- Миунов Н. И. О специфике трансформационных процессов китайской цивилизации // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2011, № 1. С. 87–97.
- Миунова О. В. Проблема духовно-цивилизационных трансформаций в современной китайской социальной философии // Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. СПб, 2013. 199 с.
- Михневич С. В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. Т. 9. № 2, 2014. С. 95–129.
- Си Цзиньпин. Гаоцзюй Чжунго тэсэ шэхуэй чжунгу вэйда цичжжи: вэй цюаньмянь цзяньшэ шэхуэй чжунгу сяньдайхуа гоцзя эр туаньцзе фэндоу 高举中国特色社会主义伟大旗帜: 为全面建设社会主义现代化

会主义现代化国家而奋斗 (Поднимая великое знамя социализма с китайской спецификой: объединение и стремление к всестороннему строительству современной социалистической страны) // Жэньминь жибао, 26.10.2022 [Электронный ресурс] / URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2022-10/26/nw.D110000renmrb_20221026_3-01.htm (Дата обращения 15.06.2024)

Сун Чжимин 宋志明. *Сяньдай синь жусюэ дэ цзоу сян* 现代新儒学的走向 (Направление движения современного нового конфуцианства). Пекин: Бэйцзин шифань дасюэ чубаньшэ цзитуань, 2009. 304 с.

Юй Синьтянь 俞新天. Цзити жэньтун: цзэнцяя гоцзи хуаюйцюань дэ гуаньцзянь 集体认同: 增强国际话语权的关键 (Коллективная идентичность: ключ к укреплению международного дискурса) // Гоцзи чжаньван, 2016, № 3. С. 1–16.

Ян Цзиньхай 杨金海. *Цзиньдай, сяньдай, хоусяньдай шиши юй чжунгожэнь дэ сяньдайхуа* 近代·现代·后现代意识与中国人的现代化 (Сознание периода новейшей истории, модерна и постмодерна и модернизация китайцев) // Ян Цзиньхай. Избранные статьи. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2009. С. 181–188.

Brautigam D. The Dragon's Gift: The Real Story of China in Africa. Oxford University Press, 2009. 416 p.

China Daily, 15.08.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://china.chinadaily.com.cn/2017-08/15/content_30635076.htm (дата обращения 15.06.2024).

Girard B. The Rise and Fall of Confucius Institutes in the US // The Diplomat, 28.11.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2023/11/the-rise-and-fall-of-confucius-institutes-in-the-us/> (Дата обращения 15.06.2024)

Kawashima S. Why Can't China Attract Students From Developed Countries Anymore? // The Diplomat, 15.03.2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2024/03/why-cant-china-attract-students-from-developed-countries-anymore/> (дата обращения 15.06.2024).

Mr. Hu's mission to Khartoum: Why China should insist on UN peacekeepers for Darfur // The Economist, 01.02.2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/leaders/2007/02/01/mr-hus-mission-to-khartoum> (дата обращения 15.06.2024).

Zakheim D. S. Time to shut down all Confucius Institutes – whatever they might be called // The Hill, 11.11.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://thehill.com/opinion/national-security/3729453-time-to-shut-down-all-confucius-institutes-whatever-they-might-be-called/> (дата обращения 15.06.2024).

The article was submitted on 14.07.2024